

■ ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЦЕЛЕСТИН

А.А. Сидоров,

Геолого-минералогический музей,
Самарский государственный технический университет, asida@yandex.ru

«В нём вся нежность твоего взора,
вся яркость весеннего дня,
вся глубина синевы Волги».

А.Е. Ферсман «Воспоминание о камне»

Серная Гора, расположенная на правом берегу реки Волга, — одна из высоких точек (276 м)¹ Жигулевских гор, являющихся частью Приволжской возвышенности (Илл. 1). Гора находится в восточной наиболее приподнятой части Самарской Луки² и входит в состав национального парка «Самарская Лука». Вместе с горой Тип-Тяв, расположенной на левом — противоположном берегу Волги, они образуют Жигулёвские Ворота. Этот известнейший на всей Волге топоним носил также название Два Брата. Те самые братья Сокол и Жигуль, которые в одной из легенд не позволяли своей сестре, красавице Волге, сбежать к седому Каспию. Сохранившиеся на вершине Серной Горы подземные выработки первой половины XVIII века представляют собой уникальный горно-геологический памятник.

Уже в 1785 г. Т.Г. Масленницкий в своём описании Симбирского наместничества Серную Гору вместе с Молодецким курганом и Сокольими горами причисляет к главным волжским достопримечательностям: «Из гор лежащих по Волге примечательнее прочих: ... 3) В Самарской Луке против устья реки Сока Серная Гора — по содержанию в себе самородной серы» (Масленницкий, 1785).

Кустарная добыча серы из обнажений в карстовых провалах на вершине Серной Горы, вероятно, производилась ещё булгарами³. Начало промышленных разработок здесь (не позднее 1699 г.) связано с именем И.Т. Посошкова, автора известного сочинения «Книга о скудости и богатстве» (Небритов, Сидоров, 2004). Об этом событии сообщалось в пробном номере Ведомостей Московского государства в 1702 г.: «из Казани пишут. Близ града Самары нашли множество серы и иных металлов...» (Данилевский, 1954). И.Т. Посошков недолго

1. Серная Гора,
Жигулевские горы, правый берег р. Волга.
Фото: А.А. Сидоров, 2010 г.

1. В.И. Степанов. Москва, 1982 г.
Фото: А.А. Евсеев.

7 января 2014 г. научная общественность, любители минералогии, коллекционеры отмечают 90-летие **Виктора Ивановича Степанова** (1924–1988), выдающегося советского и российского минералога, одного из основоположников учения об онтогении минералов, внесшего также важный вклад в российское коллекционерское движение.

Виктор Иванович Степанов был моим минералогическим учителем. Больше того: он был моим другом. Уже четверть века, как его нет с нами, а я все еще сверяю свои мысли и дела «по Степанову». Что он сказал бы? Как бы поступил? И передо мной снова возникает его насмешливая физиономия, лысая голова, в крепком кулаке зажат образец, в другой руке препараторский молоток; я снова слышу его шутки и иронический голос. Я познакомился с ним осенью 1967 года. Сто раз рассказывал об этом, и повторяюсь еще раз, потому что история представляется мне типичной. Схожими путями стекались к В.И. Степанову бесчисленные любители и профессионалы минералогии. Из случайностей сложилась закономерность — степановская минералогическая школа. Авторитет и влияние Степанова были огромны.

В то лето мне захотелось помочь 10-летнему сыну собрать маленькую коллекцию минералов для предстоящих уроков естествознания. Дальше — больше, пробудился интерес, вспомнилась читанная в довоенном детстве ферсмановская «Занимательная минералогия». Как-то раз в карьере под Подольском нашли большую глыбу магнетита. Магнетит в Подольске? Студенты из проходившей неподалеку экскурсии посоветовали обратиться в музей МГРИ на Моховой (впоследствии Музей им. В.И. Вернадского). Объяснить находку там не смогли, но дали телефон в ИМГРЭ, спросить Степанова Виктора Ивановича — «если он не скажет, то уж никто не скажет».

2. В.И. Степанов среди сотрудников Минералогического музея им. А. Е. Фермана РАН — слева-направо: Н.В. Манучарянц, И. Борисова, М. Терентьев, Б.Б. Шкурский, Д.А. Романов, В.И. Степанов, Д.В. Абрамов, Т.И. Матросова, Ю.С. Кобяшев. 21 мая 1987 г.
Фото: А.А. Евсеев.

3. **Спессартин** в мусковит-альбитовом грейзене. Изумрудные копи, Ср. Урал, Россия. Мин. музей им. А.Е. Ферсмана РАН, коллекция В.И. Степанова, # 3805.

4. Псевдосталактиты халцедона. 18 см. Старая Ситня, Московская обл.

5. **Альмандин**, скелетный кристалл. 6 см. Еловый Наволок, Карелия.

6. **Гетчеллит** (3.5 см), с **аурипигментом** и **кварцем**. Хайдаркан, Киргизия

Фото 3: М.Б. Лейбов, 4-9: Б.З. Кантор
7. Псевдосталактиты **халцедона**, 6 x 3.5 см. Старая Ситня, Московская обл.

8. **Андрадит**, **эпидот**, **кварц**. 8 см. Дашкесан, Азербайджан.

9. Кристалл **апатита** с выросшими кристаллами **кварца**. 4.5 см. Дашкесан, Азербайджан.

Первая встреча и множество следующих произошли на его рабочем месте — в забытом Богом и коммунальными службами подвале ветхого деревянного дома на Новокузнецкой улице. Я увидел крепкого лысого мужика, со снисходительно-приветливой манерой обращения и окающей речью (от которой, как ни странно, он вскоре отвык), по возрасту — бывшего фронтовика (так и оказалось). Всю зиму мы с сыном проводили в этом подвале каждое воскресенье: распаковывали и раскладывали образцы, привезенные В.И. с «поля», а он рассказывал нам о минералах, о своих поездках, и много еще о чем, а на прощанье что-нибудь дарил. Он вырос в небольшом волжском городе Семенове, единственный в городе занимался минералогией, получил серебряную медаль на тогдашней Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В начале войны был призван, прошел краткие лейтенантские курсы на Памире, где между делом открыл два кварцевых месторождения. О войне рассказывать не любил. Видимо, навоевался он крепко; вспоминал, что при форсировании Западного Буга шинель его так изрешетили осколки, что ее пришлось выбросить. Но сам остался цел. Потом еще служил в оккупационных войсках, был переводчиком с немецкого языка. Он никогда не курил, даже на фронте; пил только по торжественным случаям. Со мной он быстро перешел на «ты», а я так и не смог отвыкнуть от «выканья», хотя по возрасту нас разделяли всего 6 лет.

Как только сошел снег, стали ездить по подмосковным карьерам и обнажениям. Были, как водится, и забавные эпизоды, но главное — я черпал из огромной копилки знаний, учился у В.И. пониманию минералов, тактике и приемам полевой работы. За 20 лет нашей дружбы мы много где побывали вместе: и на старых рудниках Карелии; и в Дашкесане, и на Лухумском месторождении в Грузии и др. Месяц я работал коллектором в Хайдаркане, а отряд состоял всего из нас двоих. Время от времени В.И. принимался «камеральничать» — разбирать, чистить и препарировать собранный материал, и тогда напевал свою любимую «Раскинулось море широко» — он знал множество куплетов. Карьеры, подземные выработки, карстовые пещеры стали для меня бесценной школой. В «поле» проявлялся характер Степанова — далеко не ангельский. Мы много спорили и по «отвлеченным» вопросам, и по делам текущим, и даже ссорились. Но проходило время, он снова звал меня с собой: мы теперь одной веревочкой повязаны. Я не отказывался: общение со Степановым дорогого стоило. Продолжались и встречи в Москве — в том самом подвале, потом в других, куда он переселился после сноса старого дома. Почти всякий раз я заставал у него интересных людей — болгарского минералога Мишу Малеева, готовившегося тогда к защите диссертации; будущего академика Николая Павловича Юшкина; минералога-онтогениста Юрия Максимовича Дымкова; японского минералога Х. Хори и многих других. Обсуждалось разное, кто с чем пришел. Тянулись к нему и молодежь, и любители вроде меня, круг его учеников был широк. Для каждого он находил время — отвечал на вопросы, давал советы. Непременно показывал свою бесценную коллекцию, выдвигая ящик за ящиком, где в аккуратных коробочках лежали любовно отпрепарированные образцы. Для него это был еще и повод лишний раз самому полюбоваться на свои детища. Любил «озадачивать»: требовал определить минерал по внешнему виду, найти отличия данного экземпляра от подобных. В наших с ним беседах особое место занимали вопросы морфологии и онтогении минералов. Сам В.И. Степанов просто фонтанировал онтогеническими идеями. Не раз под давлением друзей и коллег он принимался за диссертацию; но всякий раз возникала новая идея, и ради нее он бросал все. Так и получилось, что пересчитать печатное наследие В.И. Степанова можно на пальцах одной руки. Зато каждая из его статей — образец компетентности, логики, стиля мышления и изложения. В качестве доктора наук ему не хватало лишь официального признания.

Я думаю, он жил так, как хотел: оставаться наедине с минералами, своими и чужими идеями, в общении с близкими по интересам ему было важнее, чем заниматься писаниной и деланием карьеры.

Последние годы он работал в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана под непосредственным руководством директора Музея А.А. Годовикова. Может быть, Годовиков, сочетавший качества настоящего ученого с целеустремленностью и твердым характером, был руководителем именно того типа, которого не хватало Степанову для реализации его идей и замыслов. Вместе они успели создать и описать замечательную экспозицию «Формы минералов в природе», но для многого остального времени оставалось слишком мало.

Хотя весь его день до позднего вечера был занят минералами, а общение с внешним миром ограничивалось чтением газет, В.И. Степанов был очень чуток к своему времени и событиям. Его оценки власти, общества, отдельных людей были самостоятельными, независимыми и четкими. Конформизм был ему органически чужд. Помню, как в Хайдаркане в августе 1968 года весть о вторжении советских войск в Чехословакию надолго повергла в мрачное настроение.

Последний раз я видел его в больнице; он был уже совсем плох, но живо обсуждал текущие дела. Собираясь уходить, я спросил, чего бы ему хотелось. «Ничего. Просто пожать руку», ответил он. Через два дня его не стало.

Б.3. Кантор,

Всероссийское минералогическое общество, boris_kantor@mail.ru